

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 47 (898)

Воскресенье, 8 сентября 1940 г.

Цена 30 коп.

Эпос калмыцкого народа

VIII пленум правления союза советских писателей СССР, открывшийся 7 сентября в г. Элисте, столице Калмыцкой АССР, посвященный пятидесятилетию юбилею калмыцкого национального эпоса «Джангар». Национальные творчества калмыцкого народа находят сердечный отклик во всех республиках Советского Союза. Юбилей «Джангра» становится в ряд замечательных культурных праздников, посвященных великим писателям и великим произведениям фольклора всех братских народов, населяющих СССР. «Джангар» входит в драгоценное собрание культурных сокровищ нашего социалистического отечества наряду с русскими былинами и «Словом о полку Игореве», «Давидом Сасунским», «Манасом», вместе с произведениями Пушкина, Руставели, Шекспира, Низами, Навои.

Характер советских литературных юбилеев определяется ленинско-сталинской национальной политикой коммунистической партии. В них проявляется истинное равноправие социалистических народов, они проникнуты глубоким уважением к культуре и национальным особенностям каждого народа, независимо от его численности. Социализм отвергает буржуазное разделение культуры на Запад и Восток, согласно которому истинной ценностью обладает будто бы только культура нескольких западных империалистических государств, а культура восточных народов рассматривается как предмет экзотики. В историческом движении, приведшем к созданию культурных ценностей, которыми гордится человечество, участвовали и участвуют не только европейские народы, но и китайцы, индусы, арабы, евреи, греки, армяне, азербайджанцы, монголы и многие другие народы. Политическая и культурная жизнь современного человечества может успешно развиваться только на основе равноправного взаимодействия всех народов земного шара. Советская культура создается общими усилиями **всех народов СССР**. Под руководством партии Ленина—Сталина в каждой советской республике развивается культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Вот почему советские юбиляры приобретают большое политическое значение, вот почему они имеют реальное деловое содружество, обогащающее советскую культурную жизнь.

«Джангар», несмотря на выдающиеся свои художественные достоинства, до последнего времени не был переведен на русский язык. В царской России он был известен нескольким специалистам, которых можно было буквально пересчитать по пальцам. Сейчас, к юбилею, «Джангар» полностью переведен на русский язык поэтом С. Липкиным и издан отдельной книгой. Важнейшая часть «Джангра» выпущена Гослитиздатом масштабным тиражом. Многие литературно-художественные журналы напечатали на своих страницах отдельные песни калмыцкого эпоса. «Джангар», целиком или частично, переведен на языки народов СССР.

Значительно продвинулось вперед в научное изучение «Джангра». До юбилея научная литература, посвященная «Джангару», была крайне бедна. За время подготовки к юбилею напечатаны научных и научно-популярных работ, посвященных «Джангару», неизмеримо больше, чем за все предшествующее время, в течение которого было известно о существовании калмыцкого национального эпоса.

Можно сказать, что юбилей положил начало настоящему всестороннему изуче-

Церен ЛЕДЖИНОВ

ПРЕКРАСНЫЙ ВЕЧЕР

Пахнули просторы прохладой живой,
Играют созвездья сквозной синевой.
В ложбинах туманных журчат родники,
Воздушные струи нежны и легки.
Листья вырвано во сне шевеля,
Под ветром закатных шумят тополя,
Просторы спокойней, прозрачней,
Свежей,
Над городом — стан проворных
стрижей,
Как стрелы, мелькая на светлой заре,
Звенят о торжественной нашей поре.
Нет в мире молодое, счастливее нас,
Гремят наши песни, весельем лучась.

Д. КУГУЛЬТИНОВ

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

(Отрывок из поэмы)

Весенний теплая
Над нашей степью разлита,
Простор прозрачен и далек.
Порою легкий ветерок,
Слетев с лазурной высоты,
Кольшил сонные цветы,
Ковыль волунет молодой
Туманной тихою водой.
Канавы светят издалек
И сладкой блаженством земли
Над степью воздух напоен.
Древесные чуток полусон,
«Коль золотой»¹ в листве сквозной
Мерцают бледной желтизной.
«Маралы»² блещут серебром,
И — «семь бурханов»³, за бугром,

¹ Коль золотой — Полярная звезда.
² Маралы — созвездие Северного Венца.
³ Семь бурханов — Большая Медведица.

На час, другой прервав свой путь,
В бурью садятся — отдохнуть.
Как воздух чист! Как ночь светла!
Как степь родная расцвела!
В разине выжженых песков,
Где столько сгинуло веков,
Воздвигся город молодой.
И над песками — чередой
Встают, изрыгая и свежи,
За этажами — этажи.
Веселым светом залита,
В ночи сияет Элиста.
Сику с другого своей,
Звезды полуночной светлей
Ее глаза: в тишине степной
Терпки любимиа со мной.
Киана, ликуя и спеша,
Вновь изливается душа
Стихом лучисто-золотым,
Певучей силой налитым.

Перевод Д. Бродского

Б. КУГУЛЬТИНОВ

Члены правительства, обкома пар-

500 ЛЕТ ДЖАНГАР

Аксен СУСЕЕВ

СТАЛИНСКАЯ РЕЧЬ

И всюду так много света,
Так празднична синева!Ор Арктики до винчурой
Украины — эту речь
Вбрали мы слово в слово,
Чтоб в серце верн-й сберець.И Днепр светлосиний яеи,
Весь в солнце и весь горит.
О милом своем Тарасе
Украина говорит.И зори цветут, и тихо
Лыханье салы струят.
И русский народ в великой
Семье, словно старший брат.И радостно, всей семьею,
Мы слушали речь вожжа,
Чей взгляд засиял звездою,
В счастливую даль ведя.От наших степей счастливых,
Где солнца не морят свет,
Г Сталину мало привет!

Перевод А. Ойслендерса

Иллюстрация художника В. Фаворского к юбилейному изданию «Джанга».

НА ЮБИЛЕЙНОМ ПРАЗДНИКЕ

ЭЛИСТА. (От наш. спец. корр.). На станцию Дивное поезд пришел затемно. На платформе у вокзала толпы людей — труженицы Аланасенковского района — сердечно встречают гостей, делегатов VIII пленума союза советских интеллигентов, с горячим приветствием к писателям Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Горького, Белостока, Казани обратились представители Соппаркана Калмыцкой республики и обкома партии, партийных и советских организаций района.

На машинах направляются в Элиста. Никогда еще дорога Дивное — Элиста не видела такого обилия машин: сплошная стена огней — белых, красных. Кругом на много километров калмыцкая степь. В воздухе запах пыли. Впереди — песок, песок, песок. Элиста, по-калмыцки «песчаный», — это город в песках. Свет автомобилей вырывается из темноты пологоти.

На машинах направляются в Элиста. Никогда еще дорога Дивное — Элиста не видела такого обилия машин: сплошная стена огней — белых, красных. Кругом на много километров калмыцкая степь. В воздухе запах пыли. Впереди — песок, песок, песок. Элиста, по-калмыцки «песчаный», — это город в песках. Свет автомобилей вырывается из темноты пологоти.

На машинах направляются в Элиста. Никогда еще дорога Дивное — Элиста не видела такого обилия машин: сплошная стена огней — белых, красных. Кругом на много километров калмыцкая степь. В воздухе запах пыли. Впереди — песок, песок, песок. Элиста, по-калмыцки «песчаный», — это город в песках. Свет автомобилей вырывается из темноты пологоти.

На машинах направляются в Элиста. Никогда еще дорога Дивное — Элиста не видела такого обилия машин: сплошная стена огней — белых, красных. Кругом на много километров калмыцкая степь. В воздухе запах пыли. Впереди — песок, песок, песок. Элиста, по-калмыцки «песчаный», — это город в песках. Свет автомобилей вырывается из темноты пологоти.

На машинах направляются в Элиста. Никогда еще дорога Дивное — Элиста не видела такого обилия машин: сплошная стена огней — белых, красных. Кругом на много километров калмыцкая степь. В воздухе запах пыли. Впереди — песок, песок, песок. Элиста, по-калмыцки «песчаный», — это город в песках. Свет автомобилей вырывается из темноты пологоти.

На машинах направляются в Элиста. Никогда еще дорога Дивное — Элиста не видела такого обилия машин: сплошная стена огней — белых, красных. Кругом на много километров калмыцкая степь. В воздухе запах пыли. Впереди — песок, песок, песок. Элиста, по-калмыцки «песчаный», — это город в песках. Свет автомобилей вырывается из темноты пологоти.

На машинах направляются в Элиста. Никогда еще дорога Дивное — Элиста не видела такого обилия машин: сплошная стена огней — белых, красных. Кругом на много километров калмыцкая степь. В воздухе запах пыли. Впереди — песок, песок, песок. Элиста, по-калмыцки «песчаный», — это город в песках. Свет автомобилей вырывается из темноты пологоти.

Научные работники Черногорского музея им. М. М. Коцюбинского сдали в набор второй иллюстрированный сборник, в который вошли не известные до сих пор материалы, собранные директором музея — братом писателя Ф. М. Коцюбинским во время его поездки в советский Ливор. Среди них — переписка Коцюбинского с Иваном Франко, Стефаном, воспоминания видных научных литераторов.

На трибуле калмыцкий поэт Аксен Су-

сеев.

— Велика паша радость сегодня, — говорит он. — К нам приехали писатели, поэты, ученые со всех концов Союза, чтобы отметить великое торжество народа.

Воздвиженные слова произносят народная учительница Курашева.

От союза советских писателей выступает тов. Школовский:

— Братья, калмыцкий народ! Мы, со-вместные люди, растем, узнавая друг друга.

Узнав героя армии Давида Сасунского, ви-девица, — это герой — Джангар, мы пришли к вам с благодарностью, с любовью к вам.

Сибиряк из Калмыкии, Сибиряк из Калмыкии, — это герой — Джангар, мы пришли к вам с благодарностью, с любовью к вам.

Сибиряк из Калмыкии, Сибиряк из Калмыкии, — это герой — Джангар, мы пришли к вам с благодарностью, с любовью к вам.

Сибиряк из Калмыкии, Сибиряк из Калмыкии, — это герой — Джангар, мы пришли к вам с благодарностью, с любовью к вам.

Сибиряк из Калмыкии, Сибиряк из Калмыкии, — это герой — Джангар, мы пришли к вам с благодарностью, с любовью к вам.

Сибиряк из Калмыкии, Сибиряк из Калмыкии, — это герой — Джангар, мы пришли к вам с благодарностью, с любовью к вам.

Сибиряк из Калмыкии, Сибиряк из Калмыкии, — это герой — Джангар, мы пришли к вам с благодарностью, с любовью к вам.

Сибиряк из Калмыкии, Сибиряк из Калмыкии, — это герой — Джангар, мы пришли к вам с благодарностью, с любовью к вам.

За неделю

В БЮРО НАЦКОМИССИИ

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ХАБАРОВСК. (От наш. корр.). На днях в Дальневосточном отделении союза советских писателей обсуждался план изданий художественной литературы на 1941 год. Директор Дальгиза гов. Хорин сообщил, что план будет в основном базироваться на изданной юбилейной литературы.

Ближайшие месяцы предстоят организация и проведение литературных юбилеев чувашского поэта Константина Иванова, башкирского — Мажит Гафури, киргизского — Токтогула и подготовка к издаванию больших юбилейных лет Назии и Низами. С открытием клуба писателей в Москве начнутся творческие вечера бурят-монгольских, казахских, грузинских писателей, еврейского писателя Переца. В декабре предполагается провести декаду узбекской литературы.

Одной из первоочередных задач бюро национальных комиссий является разработка методики переводов прозы, которой будут посыпаны специальные заседания комиссий и бюро. Ставится вопрос об организации при ИФЛИ специального факультета переводчиков и создания при Институте мировой литературы всеобщего факультета, а также о создании архива Дальнего Востока — архива всех построек.

Выступавшие в заседании комиссии, единодушно призывают в планах из года в год, не появляются в свет. Писатели единодушно призывают не обходимо повысить требования к качеству книг и расширить круг освещаемых тем, богатейшие возможности чему дают гигантские размахи социалистического строительства, истории и природы Дальнего Востока. Резкому осуждению подверглось отношение дирекции Дальгиза к художественному совету, который, помимо сущностной природы, узаконил его как «бюджетную».

Тов. С. Евгнов указал на недопустимо малую подготовку к изданию книг национальных авторов.

Решением бюро Дальневосточного отделения СССР подготовлен к 20-летию Советского Дальнего Востока в 1942 году становиться в центре всей творческой работы. Особо подчеркивается задача сози-дания дальневосточной детской литературы.

Создана фольклорная комиссия, которая в 1941—42 гг. намечает подготовить и издать ряд сборников: «Фольклор Дальнего Востока», «Литературный Биробиджан», «Сталинский комомзен».

Решено провести конкурс на лучший рассказ и лучшую пьесу о Дальнем Востоке. Создается «Литературная газета по радио».

Тов. С. Евгнов указал на недопустимо малую подготовку к изданию книг национальных авторов.

ЧЕСТВОВАНИЕ ПИСАТЕЛЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКА Т. М. БОРИСОВА

ХАБАРОВСК. (От наш. корр.). 31 августа дальневосточная общественность отметила 35-летний юбилей литературоведа Трофима Михайловича Борисова. Крупнейший специалист-риторик, Борисов одновременно является писателем, которого знают любят не только на Дальнем Востоке, но и во всем Советском Союзе. Произведения Борисова «Тайна маленькой речки», высоко оцененная Горьким, «Сын орла» и другие проникнутыей подлинной любовью к человеку, тем пониманием природы, которые делают их особо прелестными для читателя. Прекрасный знаток Дальнего Востока, Борисов строит свои произведения так, что они помогают читателю знакомиться с жизнью народов и природными богатствами Дальнего Востока, полезны и занимательны одновременно.

ДЖАНГАР

МОНТАЖ НЕСКОЛЬКИХ ГЛАВ ЭПОСА

В основу сокращенного текста эпоса положены «Песнь о походе против лютого хана Хард Кинис» и некоторые отрывки из других глав.

Это была Бумбы страна.

Искони так заслава она.

Из коней обретались там

Аранзалы¹ одни, говорят.

Из людей обретались там

Великаны одни, говорят.

Сорокханная эта страна,

Обетованная эта страна.

После двадцати пяти лет

Не прибывались там года.

Смерть не вступала туда!

Люди не знали в этой стране

Лютых морозов, чтоб холода,

Летнего зноя, чтоб увидать,

И, ничего не дела на мое и твое,

Славили в песнях радостное бытие.

Тело земли отразил океан голубой.

Каждое утро выбрасывает прибой

На бесконечно темнеющие берега

Золота слитки, куски серебра, жемчуга.

Если глотнет океанская вода членок —

Станет бессмертным и юным преумест вовек.

В легкую зиму травой покрыты луга

Бечко-зеленою, раскачиваемой слегка

Нежными дыханием свежего ветерка —

Точно молитва, читающая нараспев.

На средоточии мира, в кругу дерев,

Светится башня, как марево, издалека.

Сказывают: уходит она в облака.

Точко картина, красуется в небесах,

Краски меняются у тебя на глазах.

Жизни доверив свои остирию конь,

Страты — стране посыпав, в Джанту — себя, —

Богатыри, что клялись на сияющем мирде²,

Жить, как один человек, всегда и везде,

Обереги роймий край от врагов, —

В башне расселись, и было их семь кругов.

Кроме того, сеих стариков

Был, рассказывают, круг.

И красноликих, важных старух

Был, рассказывают, круг.

Жены нежно-белые там

Тоже составили круг.

Словно плоды спелые там

Девушки составили круг.

Под золотым балдахином, повисшим всех,

Локтем своим опиршись на барсовый мех,

Джангар-ноин³ восседает, владыка племен.

Справа посмотришь, — сандалом колышется он,

Сбоку посмотришь, — сияет он кругой луной,

Полной луной пятнадцатой ночи степной.

Спереди глянешь на Джанту Бого⁴, осмелев, —

Перед тобою возникнет алчущий лев!

Джанту усы — подобье орлиных крыльев.

Если бы Джангар спину свою приоткрыл, —

Мы бы увидели небожителей мыши!

Длинные коньки мечет без промаха вождь

Белой рукой мечет, а в ней скрещена

Львиная сила с бессмертной силой слова.

Конь, на котором ездили страны властелин,

Первохерой зачат кобылицами был.

Взятое из табуна чистокровных коней

С гривами из камней храбрецов пород,

Первохерой, без лысцы и без несторта.

Сказывают: у прославленного скакуна

Шея лебяжья, кара-куланы спина,

А величавая грудь — Алтая равна.

Челки подобны мягким купавам речным,

Уши полубны кувшинным ручкам резным.

Арагаз в ногах собрал

Всю резную быстроту свою.

Аранзал в глазах собрал

Всю зоркую остроту свою.

Аранзал в крестце собрал

Всю грозную красоту свою.

Сказывают: были главой

Над правой стороной

Джангаровых богатырей

Извиновид Алтан Чеджи,

Богатырь, без всякой лжи

Рассказывающий дела

За сто без году прошедших лет,

Прекрасывающий дела

На сто без году грядущих лет!

Сказывают: был главой

Над левой стороной

Джангаровых богатырей

Извиновид Алтан Чеджи,

Богатырь, без всякой лжи

Рассказывающий дела

Прекрасывающий дела

На сто без году грядущих лет!

Сказывают: был главой

Над правой стороной

Джангаровых богатырей

Извиновид Алтан Чеджи,

Богатырь, без всякой лжи

Рассказывающий дела

За сто без году прошедших лет,

Прекрасывающий дела

На сто без году грядущих лет!

Сказывают: был главой

Над левой стороной

Джангаровых богатырей

Извиновид Алтан Чеджи,

Богатырь, без всякой лжи

Рассказывающий дела

Прекрасывающий дела

На сто без году грядущих лет!

Сказывают: был главой

Над правой стороной

Джангаровых богатырей

Извиновид Алтан Чеджи,

Богатырь, без всякой лжи

Рассказывающий дела

Прекрасывающий дела

На сто без году грядущих лет!

Сказывают: был главой

Над левой стороной

Джангаровых богатырей

Извиновид Алтан Чеджи,

Богатырь, без всякой лжи

Рассказывающий дела

Прекрасывающий дела

На сто без году грядущих лет!

Сказывают: был главой

Над правой стороной

Джангаровых богатырей

Извиновид Алтан Чеджи,

Богатырь, без всякой лжи

Рассказывающий дела

Прекрасывающий дела

На сто без году грядущих лет!

Сказывают: был главой

Над левой стороной

Джангаровых богатырей

Извиновид Алтан Чеджи,

Богатырь, без всякой лжи

Рассказывающий дела

Прекрасывающий дела

На сто без году грядущих лет!

Сказывают: был главой

Над правой стороной

Джангаровых богатырей

Извиновид Алтан Чеджи,

Богатырь, без всякой лжи

Рассказывающий дела

Прекрасывающий дела

На сто без году грядущих лет!

Сказывают: был главой

Над левой стороной

Джангаровых богатырей

Извиновид Алтан Чеджи,

Богатырь, без всякой лжи

Рассказывающий дела

Прекрасывающий дела

На сто без году грядущих лет!

Сказывают: был главой

Над правой стороной

Джангаровых богатырей

Извиновид Алтан Чеджи,

Богатырь, без всякой лжи

Рассказывающий дела

Прекрасывающий дела

На сто без году грядущих лет!

Сказывают: был главой

Над левой стороной

Джангаровых богатырей

Извиновид Алтан Чеджи,

Богатырь, без всякой лжи

Рассказывающий дела

Прекрасывающий дела

На сто без году грядущих лет!

500 ЛЕТ ВЕЛИКОГО КАЛМЫЦКОГО ЭПОСА

«Джангар» и монгольский эпос

Г. САНЖЕЕВ

В течение веков народ Калмыкии творил и совершенствовал бессмертное произведение своего гения «Джангар». Возникло оно в далеком детстве народа в пастушеских кочевьях Джунгарии и Западной Монголии. Об этом ярко свидетельствует внутреннее родство поэтического стиха «Джангар» и героического эпоса других монгольских народов, населявших тогда Центральную Азию — собственно монголов, бурят-монголов и особенно обитателей, ныне обитающих в западной части Монгольской Народной Республики.

Современный «Джангар» и монгольского героического эпоса видны не только в построении и развитии сюжета, в образной системе, но и в деталях, вплоть до идентичности отдельных картин и выражений. Описания дворцов, пирсов, состязаний кажутся перенесенными из одного эпоса в другой.

Батальные сцены в «Джангаре» и в монгольском эпосе разыгрываются по одному ритуалу. Сначала проходят конные состязания, затем производится стрельба из лука, причем противники сражаются либо друг в друга, либо в какую-нибудь заранее определенную мишень. И, наконец, финальным и решительным моментом сражения является ручная схватка.

Внутреннее родство «Джангра» и монгольского эпоса лучше всего можно проследить на художественной трактовке такого образа, как образ женской красоты. Вот как в «Джангаре» воспевается, например, красавица ханши:

Светог таких сияет владычица взор,
Что вышивают при нем тональный взор.

Если нечаянно в сторону табуна
Ханши прекрасная глянет, — за табуном
Сможет табутище следить и во мраке
ночного.

И до того прекрасна влаги жена,
Что, если на воду взор опустит она,
То соединишь всех рыб на глубоком
дне,

То замечаша рожденье рыб в глубине.

Столь же гиперболически, в тех же космических образах, воспевает женскую красоту и эпос бурят-монголов. Женщины здесь изображаются столь прекрасными, что от блеска ее правой щеки все народы вправо от Ангары простираются по небо.

Если нечаянно в сторону табуна
Ханши прекрасная глянет, — за табуном
Сможет табутище следить и во мраке
ночного.

И до того прекрасна влаги жена,
Что, если на воду взор опустит она,
То соединишь всех рыб на глубоком
дне,

То замечаша рожденье рыб в глубине.

Столь же гиперболически, в тех же

космических образах, воспевает женскую

красоту и эпос бурят-монголов. Женщины

здесь изображаются столь прекрасными,

что от блеска ее правой щеки все народы

вправо от Ангары простираются по небо.

Персонажи монгольского эпоса имеют

дело почти исключительно с фантастиче-

скими существами — многоголовыми ман-

гасами, между тем, враждебные силы,

народных богатырей, Составляют эпических

персонажи эпоса, уже полностью очеловечены,

«Джангар», уже полностью очеловечены,

«Джангар», мы встречаем излюбленный монгольского эпоса прием преобразования героя, идущего, повинуясь, от известной всем народам Центральной Азии поэмы «Гесерилла». Небеснителеско отмечать, что в «Джангаре» почти буквально повторяется мотив превращения центрального героя «Гесерилла». Гесер, посланец богов и победитель всех учителей человеческого рода, принимает вид невразличного мальчика, надавленного невыносимым для окружающих запахом. В «Джангаре», в песне о том, как женился богатырь Хонгор, старик, его усыновивший, находит Хонгора в образе маленького мальчика, страдающего той же особенностью, что и превращенный Гесер.

Особая песня «Джангар» посвящена

описанию подвига малюток героеv — сына Джангара Хара Джалгана и сыновей

его приближенных Хомуя Уланы и

Обала Шонхора. Совершив ряд отважных подвигов, они взяли в плен хана Улага, ранее победившего самого Джангара, и доставили его живым в страну Бумба.

Эта же тема детского героизма очень

распространена и в эпосе других монгольских народов. Например, в эпосе о бояратах прославляется образ героя-ребенка, не выпавшего под мучительной пыткой тайны своего народа и мужественно погибшего за счастье родины. В бурят-

монгольском эпосе трехчетверехлетние

дети спасают целые селения от нашествия многоголовых чудовищ — мангасов и совершают много замечательных подвигов.

Иногда герой «Джангар», как и герой монгольского эпоса, ищет случая применить свою силу, ибо она не только умеет вовать, но и любят воевать против второго врага и захватчика.

В «Джангаре» поет:

Желтым полчища силачей
Стали киничьи силой своей,
Озираться стали вокруг,
Вопрошай соседний круг:

«Ужели сражени для славы нет?

Сагиаков — и та для облавы нет?

Ужели для боя державы нет?

Ужели врага для расправы нет?

Как в «Джангаре», так и в монгольском эпосе в ответ на эти речи богатырей приходит весть о нападении врага и разорении их родных кочевьев. Вслед за этим азартом устремляются богатыри.

Извлекаясь ветвью общемонгольского эпоса, «Джангар», однако, вместе с тем и монгольской вершиной этого эпоса, до уровня которой не поднималось народное творчество других монгольских народов. Монгольский эпос сохранился только в виде отдельных героических поэм, очень схожих между собой, из которых каждая распространяется в пределах одного племени. В отличие от этого «Джангар» приобрел общенациональное значение.

Некоторые поэмы калмыцкого эпоса

известны по имени автора:

«Джангар», «Гесерилла», «Гесер»,

«Джангар», мы встречаем излюбленный монгольского эпоса прием преобразования героя, идущего, повинуясь, от известной всем народам Центральной Азии поэмы «Гесерилла». Небеснителеско отмечать, что в «Джангаре» почти буквально повторяется мотив превращения центрального героя «Гесерилла». Гесер, посланец богов и победитель всех учителей человеческого рода, принимает вид невразличного мальчика, надавленного невыносимым для окружающих запахом. В «Джангаре», в песне о том, как женился богатырь Хонгор, старик, его усыновивший, находит Хонгора в образе маленького мальчика, страдающего той же особенностью, что и превращенный Гесер.

Особая песня «Джангар» посвящена

описанию подвига малюток героеv — сына Джангара Хара Джалгана и сыновей

его приближенных Хомуя Уланы и

Обала Шонхора. Совершив ряд отважных подвигов, они взяли в плен хана Улага, ранее победившего самого Джангара, и доставили его живым в страну Бумба.

Эта же тема детского героизма очень

распространена и в эпосе других монгольских народов. Например, в эпосе о бояратах прославляется образ героя-ребенка, не выпавшего под мучительной пыткой тайны своего народа и мужественно погибшего за счастье родины. В бурят-

монгольском эпосе трехчетверехлетние

дети спасают целые селения от нашествия

многоголовых чудовищ — мангасов и совершают много замечательных подвигов.

Иногда герой «Джангар», как и герой

монгольского эпоса, ищет случая

применить свою силу, ибо она не только

умеет вовать, но и любят воевать

против второго врага и захватчика.

В «Джангаре» поет:

Желтым полчища силачей
Стали киничьи силой своей,
Озираться стали вокруг,
Вопрошай соседний круг:

«Ужели сражени для славы нет?

Сагиаков — и та для облавы нет?

Ужели для боя державы нет?

Ужели врага для расправы нет?

Как в «Джангаре», так и в монгольском эпосе в ответ на эти речи богатырей

приходит весть о нападении врага и

разорении их родных кочевьев. Вслед за

этим азартом устремляются богатыри.

Иногда герой «Джангар», как и герой

монгольского эпоса, ищет случая

применить свою силу, ибо она не только

умеет вовать, но и любят воевать

против второго врага и захватчика.

В «Джангаре» поет:

Желтым полчища силачей
Стали киничьи силой своей,
Озираться стали вокруг,
Вопрошай соседний круг:

«Ужели сражени для славы нет?

Сагиаков — и та для облавы нет?

Ужели для боя державы нет?

Ужели врага для расправы нет?

Как в «Джангаре», так и в монгольском эпосе в ответ на эти речи богатырей

приходит весть о нападении врага и

разорении их родных кочевьев. Вслед за

этим азартом устремляются богатыри.

Иногда герой «Джангар», как и герой

монгольского эпоса, ищет случая

применить свою силу, ибо она не только

умеет вовать, но и любят воевать

против второго врага и захватчика.

В «Джангаре» поет:

Желтым полчища силачей
Стали киничьи силой своей,
Озираться стали вокруг,
Вопрошай соседний круг:

«Ужели сражени для славы нет?

Сагиаков — и та для облавы нет?

Ужели для боя державы нет?

Ужели врага для расправы нет?

Как в «Джангаре», так и в монгольском эпосе в ответ на эти речи богатырей

приходит весть о нападении врага и

разорении их родных кочевьев. Вслед за

этим азартом устремляются богатыри.

Иногда герой «Джангар», как и герой

монгольского эпоса, ищет случая

применить свою силу, ибо она не только

умеет вовать, но и любят воевать

против второго врага и захватчика.

В «Джангаре» поет:

Желтым полчища силачей
Стали киничьи силой своей,
Озираться стали вокруг,
Вопрошай соседний круг:

«Ужели сражени для славы нет?

Сагиаков — и та для облавы нет?

Ужели для боя державы нет?

Ужели врага для расправы нет?

Как в «Джангаре», так и в монгольском эпосе в ответ на эти речи богатырей

приходит весть о нападении врага и

разорении их родных кочевьев. Вслед за

этим азартом устремляются богатыри.

Иногда герой «Джангар», как и герой

монгольского эпоса, ищет случая

применить свою силу, ибо она не только

умеет вовать, но и любят воевать

против второго врага и захватчика.

В «Джангаре» поет:

Желтым полчища силачей
Стали киничьи сил

Палка о двух концах

Когда началась первая пятилетка, Рахмановский переулок, где помещалась московская биржа труда, былый до той поры людным и шумным местом города, сразу опустел. Безработные исчезли, за каждым случайным посетителем буквально головили верблюжьи строительные котлы, и человеку, искавшему работу, не удавалось добре даже до Рахмановского переулка. На всем пути караваля его обявление, вывешенное на заборах в витринах учреждений. Помни, в тот год я все же прошел в здание — другой, однако, целью: чтобы услышать от самой администрации, что утверждение их стало неизбежным и приказали долго жить. Я спросил:

— Есть ли у вас на учете какое-либо безработные?

— Есть, — ответили мне, — несколько сот человек.

— Как? Кто же они? Ведь всюду такая нужна!

И я узнал следующее: биржа труда продолжает существовать по вине группы людей, для которых действительно трудно найти работу. Эти несколько сот человек оказались замки. Заведено, когда то человек столной или прачечной, потом перестал заниматься и записался на биржу — в надежде на то, что его опять пошлют куда-нибудь чем-нибудь заведывать. Ему терпеливо объясняли, что зав — это не профессия, пусть вспомнит, тем он был до того, как стал замок. И оказывалось, что многие замки были в своей прошлой жизни портными, почтальонами, учительми. В какой-то день их «возьмут», потому в них уже не было нужды — то ли потому, что они для зава не годились и покинулись люди более для этого дела подходящие, или по другой причине, однако зам решил, что он — зам, пожизненный, и уже не хотел ни за что другое браться.

Сейчас, когда в нашей среде заговорили о том, что есть такие писатели, которые слишком рано профессионализировались, или такие, которых невозможно держать за профессию писателя, давно потеряв все этилительные признаки литератора, я вспомнил и сцену на бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда на манер заводов 1929 года. И они не торопились из своей молодости, если бы могли папки руководители литературных организаций и позднее не устроили бы из молодости какой-то беспечный сад, требующий, по их мнению, постоянного ухода и притягивания.

Гражданин А был инженером, он почувствовал потребность писать рассказы и стихи. Естественно, вскоре жест его либо удача, либо неудача. Не удача говорить не приходит. Никто не бросит свою профессию, если на литературном поприще его постигнет неудача. Нет, гражданин А узнал самую настоящую удачу, то есть его произведения писатели, их похвалили и т. п. Если гражданин А — человек неподъемный, он понимает, что во все времена и у всех народов были люди такого успеха в литературе, что обещают ему пособие и не оказавшиеся в силах обещание выполнить. Я, например, знаю трех человек, в ранней юности отмеченных Георгием Брандесом, Короленко и Блоком. Отмеченные — и не зря, так как первые опыты были удачны, — многое хоронят, но их не написали и, прожив долгую жизнь, проносят к старости только прекрасное воспоминание о блеске пыла, что не получившим ни продолжения, ни развития.

Знать, гражданин А, будучи неглупым

человеком, еще не сделал из своей удачи решительного вывода. Он продолжает работать там, где работает, не оставаясь в то же время своих литературных занятий. Пропоно несколько лет, она удача следует за другой, он чувствует что в интересах общества должен целиком посвятить себя литературе, то есть стать профессионалом. Это и есть та необходимость, о которой я выше упоминал.

А что, если гражданин А — человек позитивный, полный самобольшинства и беспечного тщеславия? И впереди — неизвестность, возможны неудачи? Конечно, что литературные наши порядки должны быть такими, чтобы А не мог прежде времени, а то и просто официально стать профессионалом. Между тем именно в последние годы дела склоняются туда, что в литературной среде появилось немало людей одной удачи. Им не дала поуметь, их освободили от колебаний, сразу вручив корзины с серебром билеты, охапку логоров с приобретением груды черновиков, квартиру с витилем на Москворецкую и прочее. У нас по-другому менеджеры, а то и просто официальные члены общества уже полностью разрешены в «Планах Леонтьевских»; от шаманов разинченных, опустошенных, антидемократических, по сути своей, только и живущих тем, что озабочивают себя существами собствами, стоящими над трупом и моралью.

Одни, так сказать, певчий шаман выступал в фабричном клубе. Прежде чем прочитать купеческое стихотворение, он сообщил, что работал над им полгода.

— О! — сказали в публике.

Потом шаман прочитал серенько стихотворение без огня и мыши, и язычок, как удивление смотрели на него слушатели. На такую работу не стоило вообще тратить времени. Конечно, мы люди опытные и знаем, что наш шаман не работал над стихотворением полгода, что это и есть шаманство, то есть очковательство.

Глупо было бы контролировать рабочие списки литераторов, но издаваться на шаманстве во всех его проявлениях нужно.

Шаман потому что шаман, что знает на некоторых это действует. В тот день, когда перестает действовать, он прекратит свое шаманство. А настанет этот день тогда, когда мы начнем рассматривать весь наш мир с точки зрения честного труда, по-настоящему уважая талант и считаясь с его особенностями, а для этого нужно избавиться также от невежды. История с Леонтьевским — не выдумка и, к сожалению, таких примеров можно привести много. Пока есть невежды, не понимающие подлинных особенностей литературного ремесла, будут существовать и очкователи.

Когда союз писателей очистит наше среду от обоих зол сразу, можно будет сказать, что он справился с одной из главных своих задач. А все граждане, которые почувствуют потребность приобщиться к литературным занятиям, поймут, что профессионалом можно становиться только тогда, когда в интересах общества необходимо посвятить себя целиком литературе.

Может, руководители союза и Литфонда скажут: «Темперь этого уже нет». Хотелось бы, чтоб это было так, однако не веселые последствия в виде людей, считающих свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Кстати, вышеописанные бездельники были в прошлом тружениками-инженерами, медиками, слесарями, служащими. Если бы не благодарная почта, они не превратили бы свою случайную удачу в профессию и не зарегистрировались бы на вечные на литераторской бирже труда и один из споров породы вечных, часто возникавших тогда в редакциях, в кулурах Дома Герцена и прочих местах литературных встреч. Что такое писательский замок — профессия или узак? — вот о чем спорили в ту пору немало и ожесточено. Одни говорили, что занятые написанием, а также писатели, считающие свое безделье законным, еще существуют.

Сын дяди Тома

Мы с детства помнили кроткого ядою Тома, родоначальника многочисленного по-тому литературы героев, унылое переносимое из одной книги в другую. Даже современные американские писатели, очень честные и очень сочувствующие негритянскому народу, отдают дань старой аболиционистской традиции Биггер-Стоту. Есть, правда, и отклонения с проторенного пути. Новую «традицию» создали негритянские «спинисты», вроде Вильяма Люббеса, мечтающие о государстве черных только для черных. Печальный опыт Либерии ничему не научил их. Еще одну «традицию» пытаются утвердить негритянские писатели, породившие типа негра — аборигена нью-Йоркского Монмартра, героя гарлемских хабаков и глухих переулков.

Но где же тот негр-труженик, униженный, но не подавленный, обожженный, но умеющий и отомстить за обиды? Его не было. Негритянский народ в Америке жил сам по себе, не заглядывая на страницы американской литературы. От читателя его отделяла каменная стена непонимания, калеки, расовых предрасудков, ложных литературных традиций.

Ричард Райт первым пробил эту стену. Книгу Райта называли «Детьми Тома», не угадавшим ни одного из «положительных» качеств своего литературного предка. С первых же строк романа узнаешь в Биггер другого героя Рафта — Биг-боя. Рафт как бы сам указывает: ведь это тот же Биг-бой, лживый, грубый, но обаятельный мальчик, каких сотни тысячи на Севере и на Юге, только чуть старше, крупнее, и зовут его также Биггер (biggest — сравниваемая степень от big — большой), и черты его те же: детскую непосредственность, гордость, необузданый темперамент, сила духа, мужество, воля к жизни. Что ждало бы впереди Биг-боя, даже если бы он не убил белого? Невежество, нищета, катокный труд. Что впереди у Биггера? То же самое. Но если мальчик Биг-бой не знает или не думал об этом, то юноша Биггер думает и знает. Подавай все наложки, загаси мечты. «Я могу стать летчиком, если бы были белым, если бы имел возможность поступить в летную школу, если бы имел деньги». Слишком многое преподносится для негра «если».

Что же остается, если этот негр попадет в путь преступника, который не падает ниц перед убийцей-плантатором, не умоляет о попаде? Старая мать Джонни-боя, даже ценой спасения сына, отказывается выдать его товарищем. Негритянский пастор, зевски избытый за то, что «пугался с красными», говорит сыну: «Народ — это сила, воля, мощь, народ это все». Конинти, то Ричарда Рафта мы не слышали таких слов от негра в американской литературе.

Ибо ни один негр не писал еще та, как Рафт, не только так талантливо, но и так независимо и правдиво. Нужно ли добавлять, что Рафт — коммунист? И не случайным было появление книги Рафта в Америке, ибо эта книга — свидетельство глубочайших сдвигов, произошедших в сознании негритянских масс за последние два десятилетия.

Талантливый поэт (его литературная карьера началась со стихов в левых американских журналах), коммунистический агитатор и пропагандист и прежде всего человек, хорошо знавший жизнь и нужды народа, Рафт многое видел и многое испытал. Был он и батраком на ферме, и метеорином улиц, и лифтером, и клерком в почтовом конторе.

Такова «школа жизни» американского негра, если он не принадлежит к верхушке негритянской буржуазии США. Знай свое место! и жижи благоприятного случая, своего «оппортуниста» — учит холостякского реформизма негритянского буржуазного руководства (в Америке даже издаются журналы под таким названием). Так фабрикуется «сын Томы», «хоромы» негров, по терминологии правящего класса Америки.

Кстати, о «хоромах» и «плохом» негре. Терминология эта не только бытовая, но, можно сказать, официальная, почти безнадежное положение, Рафт сорицей блестящих, мастерски рассчитанных ходов, легко и уверенно идет к победе. Да, холостяк Биггера, миллионер Далтон, обективно очень симпатичный добряк. Но несколько дополнительных штрихов — и перед вами встает образ одного из тех капиталистических тракторов, которые одной рукой держат негра за горло, а другой ласково похлопывают его по плечу. Далтон — глава акционерной жизненной компании, дающей неграм грязные лягушки за высокую плату, и линкерный филантроп, субсидирующий негритянские клубы, в которых дрессируемые «хоромы негров» могли бы играть в пинг-понг. Да, он действительно по-человечески относится к Биггеру, с сочувствием и жалостью, с пылью желания воспитать еще одного «сына Томы». Но для Биггера он был только холостяком, не преподнесшим сочувствие выявлено в юности лишь бессознательное разражение. И читатель понимает, что для «среднего», ровного негра, не приглашенного культуры, не прошедшего сквозь «очистительные» каналы негритянских коллегий и унтер-офицеров, нет и не может быть сносных условий существования и что именно?

«Негр — это чаще всего плохой негр, а линкер — это естественный самоброка белых».

Что же такое «плохой негр» как сопротивление явлению, позволяющее идеологам лингвистам говорить о порочности черной расы? На этот вопрос Ричард Рафт отвечает в своем первом романе «Сын народа». Писатель показал, что для «среднего», ровного негра, не приглашенного культуры, не прошедшего сквозь «очистительные» каналы негритянских коллегий и унтер-офицеров, нет и не может быть сносных условий существования и что именно?

Но как оправдать убийство девушки, ничем не оскорбившей Биггера, встретившей его по-дружески, ласково и внимательно? Рафт и не оправдывает. Он объясняет.

но эти условия и создают тот тип «плохого негра», на который ссылается американские буржуазные социологи, опровергивающие расовую политику «страны белого человека».

Жертвой этой политики, Биггер Томас, имел в жизни все шансы для того, чтобы стать «сыном Томом». Его мать и сестра были ходячими образами негритянских добродетелей. Были кроме того и божий храм, школа, и пинг-понг в негритянском клубе — словом, все виды воспитания «хороших негров». И даже своего «оппортуниста» дождался Биггер: его, низкого, загуздного негра, привлекли на службу шефом белый милиционер-филадельфиец.

Но где же тот негр-труженик, униженный,

но не подавленный, обожженный, но умеющий и отомстить за обиды? Его не было. Негритянский народ в Америке жил сам по себе, не заглядывая на страницы американской литературы. От читателя его отделяла каменная стена непонимания, калеки, расовых предрасудков, ложных литературных традиций.

Ричард Рафт первым пробил эту стену.

Книгу Райта называли «Детьми Тома», не угадавшим ни одного из «положительных» качеств своего литературного предка.

С первых же строк романа узнаешь в

Биггером, однокашником, затерянным в джунглях большого города, где на каждом шагу подстерегает смерть, когда все животные инстинкты толкают получать права гражданства, — это подлинно трогательный облик гордом, несчастного человека. Авантюрная занимательность фабулы соединяется здесь с точечным психологическим анализом мышления и поведения героя. Книга становится своеобразным юридическим документом, рисующим психологию невольного преступника, который превращается в преступника сознательного. И, самое главное, этот документ обясняет нам почему Биггер стал преступником и то, по существу, является истинным виновником всего им содеянного.

Третья часть романа — процесс Биггера, его поведение в тюрьме — подводит итоги всем проблемам, поставленным автором в его книге. Рафт сделал, казалось бы, невозможное: он оправдал своего героя. Мы видим чистую детскую луну, известьенную волчьими законами человеческого общества, обмана, насилия. Процесс Биггера с родными, его беседами с коммунистом Джоном, защищительная роль адвоката Жекса — образец блестящей художественной публистики, — все это страницы, которые не забудут.

И что бы ни говорить о романе, об излишней ли национализации отдельных эпизодов, о влиянии Лестоффера, — совершенно бесспорно одно: роман этот — большое литературное событие. Рафт еще раз доказал, что он является одним из самых ярких и действительно передовых мастеров современной американской прозы.

И вот Биггер — воришка, палачка, каннибал в гангстеры. Мы понимаем злодея Райта. Он хочет не только оправдать Биггера, но осудить изуродованного его строй. Было бы проще, конечно, и соблазнительнее наувеличивать уголовный формальзам Биггера, не лишать его законных симпатий читателя. Но Рафт сознательно осложняет задачу. Герой его совершил преступление за преступлением: убил Мари, дочь хозяев, клевещет на Джона, ее приятеля, шантажирует хозяев, подбрасывает им письмо якобы от «похищителей» дочери и в довершение всего убивает свою любовницу-негритянку. Рафт словно бросает вызов реакционной Америке: вот стоящим преступником для всей системы.

И вот тонкий шахматный стратег, созданный рисунком, опаснейшее, почти безнадежное положение, Рафт сорицей блестящих, мастерски рассчитанных ходов, легко и уверенно идет к победе. Да, холостяк Биггера, миллиардер Далтон, обективно очень симпатичный добряк. Но несколько дополнительных штрихов — и перед вами встает образ одного из тех капиталистических тракторов, которые одной рукой держат негра за горло, а другой ласково похлопывают его по плечу. Далтон — глава акционерной жизненной компании, дающей неграм грязные лягушки за высокую плату, и линкерный филантроп, субсидирующий негритянские клубы, в которых дрессируемые «хоромы негров»

могли бы играть в пинг-понг. Да, он действительно по-человечески относится к Биггеру, с сочувствием и жалостью, с пылью желания воспитать еще одного «сына Томы».

Но для Биггера он был только холостяком, не преподнесшим сочувствие выявлено в юности лишь бессознательное разражение.

И читатель понимает, что для «среднего», ровного негра, не приглашенного культуры, не прошедшего сквозь «очистительные» каналы негритянских коллегий и унтер-офицеров, нет и не может быть сносных условий существования и что именно?

«Негр — это чаще всего плохой негр, а линкер — это естественный самоброка белых».

Что же такое «плохой негр» как сопротивление явлению, позволяющее идеологам лингвистам говорить о порочности черной расы? На этот вопрос Ричард Рафт отвечает в своем первом романе «Сын народа».

Писатель показал, что для «среднего»,

ровного негра, не приглашенного культуры, не прошедшего сквозь «очистительные» каналы негритянских коллегий и унтер-офицеров, нет и не может быть сносных условий существования и что именно?

Но как оправдать убийство девушки, ничем не оскорбившей Биггера, встретившей его по-дружески, ласково и внимательно?

Рафт и не оправдывает. Он объясняет.

но эти условия и создают тот тип «плохого негра», на который ссылается американские буржуазные социологи, опровергивающие расовую политику «страны белого человека».

Жертвой этой политики, Биггер Томас, имел в жизни все шансы для того, чтобы стать «сыном Томом». Его мать и сестра были ходячими образами негритянских добродетелей. Были кроме того и божий храм, школа, и пинг-понг в негритянском клубе — словом, все виды воспитания «хороших негров». И даже своего «оппортуниста» дождался Биггер: его, низкого, загуздного негра, привлекли на службу шефом белый милиционер-филадельфиец.

Но где же тот негр-труженик, униженный,

но не подавленный, обожженный, но умеющий и отомстить за обиды? Его не было.

Негритянский народ в Америке жил сам по себе, не заглядывая на страницы американской литературы.

От читателя его отделяла каменная стена непонимания, калеки, расовых предрасудков, ложных литературных традиций.

Ричард Рафт первым пробил эту стену.

Книгу Райта называли «Детьми Тома», не угадавшим ни одного из «положительных» качеств своего литературного предка.

С первых же строк романа узнаешь в

Биггером, однокашником, затерянным в джунглях большого города, где на каждом шагу подстерегает смерть, когда все животные инстинкты толкают получать права гражданства, — это подлинно трогательный облик гордом, несчастного человека. Авантюрная занимательность фабулы соединяется здесь с точечным психологическим анализом мышления и поведения героя. Книга становится своеобразным юридическим документом, рисующим психологию невольного преступника, который превращается в преступника сознательного.

И, самое главное, этот документ обясняет нам почему Биггер стал преступником и то, по существу, является истинным виновником всего им содеянного.

Так происходит убийство девушки, ничем не оскорбившей Биггера, встретившей его по-дружески, ласково и внимательно?

Рафт и не оправдывает. Он объясняет.

но эти условия и создают тот тип «плохого негра», на который ссылается американские буржуазные социологи, опровергивающие расовую политику «страны белого человека».

Жертвой этой политики, Биггер Томас, имел в жизни все шансы для того, чтобы стать «сыном Томом». Его мать и сестра были ходячими образами негритянских добродетелей. Были кроме того и божий храм, школа, и пинг-понг в негритянском клубе — словом, все виды воспитания «хороших негров». И даже своего «оппортуниста» дождался Биггер: его, низкого, загуздного негра, привлекли на службу шефом белый милиционер-филадельфиец.

Но где же тот негр-труженик, униженный,

но не подавленный, обожженный, но умеющий и отомстить за обиды? Его не было.

Негритянский народ в Америке жил сам по себе, не заглядывая на страницы американской литературы.

От читателя его отделяла каменная стена непонимания, калеки, расовых предрасудков, ложных литературных традиций.

Ричард Рафт первым пробил эту стену.

Книгу Райта называли «Детьми Тома», не угадавшим ни одного из «положительных» качеств своего литературного предка.

С первых же строк романа узнаешь в

Биггером, однокашником, затерянным в джунглях большого города, где на каждом шагу подстерегает смерть, когда все животные инстинкты толкают получать права гражданства, — это подлинно трогательный облик гордом, несчастного человека. Авантюрная занимательность фабулы соединяется здесь с точечным психологическим анализом мышления и поведения героя. Книга становится своеобразным юридическим документом, рисующим психологию невольного преступника, который превращается в преступника сознательного.

И, самое главное, этот документ обясняет нам почему Биггер стал преступником и то, по существу, является истинным виновником всего им содеянного.

Так происходит убийство девушки, ничем не оскорбившей Биггера, встретившей его по-дружески, ласково и внимательно?

Рафт и не оправдывает. Он объясняет.

но эти условия и создают тот тип «плохого негра», на который ссылается американские буржуазные социологи, опровергивающие расовую политику «страны белого человека».

Жертвой этой политики, Биггер Томас, имел в жизни все шансы для того, чтобы стать «сыном Томом». Его мать и сестра были ходячими образами негритянских добродетелей. Были кроме того и божий храм, школа, и пинг-понг в негритянском клубе — словом, все виды воспитания «хороших негров». И даже своего «оппортуниста» дождался Биггер: его, низкого, загуздного негра, привлекли на службу шефом белый милиционер-филадельфиец.

Но где же тот негр-труженик, униженный,

но не подавленный, обожженный, но умеющий и отомстить за обиды? Его не было.

Негритянский народ в Америке жил сам по себе, не заглядывая на страницы американской литературы.

От читателя его отделяла каменная стена непонимания, калеки, расовых предрасудков, ложных литературных традиций.

Ричард Рафт первым пробил эту стену.

Книгу Райта называли «Детьми Тома», не угадавшим ни одного из «положительных» качеств своего литературного предка.

С первых же строк романа узнаешь в

Биггером, однокашником, затерянным в джунглях большого города, где на каждом шагу подстерегает смерть, когда все животные инстинкты толкают получать права гражданства, — это

В молодой республике

БЕСЕДА С ЭСТОНСКИМ ПИСАТЕЛЕМ И. СЕМПЕРОМ

Среди делегатов Эстонской ССР, приехавших в Москву для ознакомления с работой советских вузов и школ, находился видный писатель, поэт, беллетрист и литератор Иоханес Семпер. В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» И. Семпер рассказал о первых месяцах становления советской власти в Эстонии:

— Во всех областях культуры и художества нашей молодой республики, — сказал тов. Семпер, — сейчас происходят коренная перестройка на новых, советских, социалистических основах.

В ближайшие дни создается организационный комитет, который разработает новую структуру союза эстонских советских писателей в соответствии с новыми, встающими перед ним задачами. В нашей стране в течение семидесяти лет существовала профессиональная организация писателей. В нее входили только беллетристы — 52 человека. Драматурги имели свою союз. Существовал и союз защиты авторских прав. Но ни одна из этих организаций не интересовалась творческой жизнью своих членов. Творческое общение между писателями не было — ни чтений, ни обсуждения новых произведений. Писатели не знали, над чем работают их товарищи, такие творческие вопросы их волновали, хотя, живя в небольшом городе, они, естественно, часто общались между собой. И совсем уж оторваны были писатели от своих читателей.

Сильно развивающиеся эстонские течения и уход литературы от реальной действительности заставили передовых писателей еще десять лет назад вымыть лодунг «ближе к жизни». Этот лозунг поддержали все наиболее выдающиеся деятели эстонской литературы, придерживающиеся в своем творчестве реалистического направления.

Однако и сейчас еще существуют довольно значительные группы, главным образом молодых поэтов, а среди них есть и по-настоящему талантливые, которые по-прежнему «не замечают» жизни и иронизируют в ней процессов и продолжают вращаться в замкнутом кружке эстетической литературы. Есть и другие антиреалистические группы писателей, стоящих пока в стороне от жизни страны. Но я глубоко убежден, что это лишь вопрос времени, и в недалеком будущем все пойдет к нам.

Союз эстонских писателей в настоящий время имеет две крупных ежемесячных литературно-художественных журнала. Один из них — «Лооминг» («Творчество») издавался и прежде, публикуют новые беллетристические произведения. Тираж журнала «Лооминг» достигает пяти тысяч экземпляров, что не мало для нашей страны, так как отдельные книги — романы, повести — выходят у нас в количестве не более двух тысяч экземпляров, а стихи — 400—500 экземпляров. Второй журнал — «Виснурук» («Патриотическая звезда»). В нем наряду с художественной литературой

будут печататься публицистика и статьи на общественно-политические темы. Журнал будет еще более массовым, с тиражом в 7—8 тысяч экземпляров. Мы рассчитываем, что «Виснурук» станет одним из наиболее популярных журналов среди эстонских рабочих и трудовой интеллигенции. Первый номер «Виснурука» должен был выйти на днях, когда я уезжал в Москву.

В Эстонии наблюдается сейчас повышенный интерес к советской литературе, которая долгое время была отделена от нас прочной стеной. Советские книги мы доставляем с большим трудом, всячески неизвестными путями. Но все же, пользуясь «Литературной газетой», которую мы получали регулярно, и читая все то, что доходило до нас, мы и позже были в курсе литературной жизни Советского Союза.

В новом эстонском государственном издательстве литературы уже составлен или первоочередных переводов произведений советских писателей. В ближайшее время предполагается издать полное собрание сочинений М. Горького, который до сих пор переводился в Эстонии очень мало. Переводы книги М. Шолохова в ежедневных газетах печатаются отрывками из «Хлеба». А. Толстого и других современных произведений советских авторов.

Для ознакомления трудающихся Советского Союза с творчеством эстонских писателей в Москве подготовляются переводы их произведений на русский язык.

Значительная часть эстонских писателей, заинтересованных в частичной судьбе своего народа, с первых же дней активно работает над преустройством государственной жизни страны. Среди 80 членов Временного Верховного Совета Эстонской Советской Социалистической Республики человек, чьи имена связаны с литературой. Кроме И. Вареса (Барбара) и меня, это — депутаты И. Дауринстин, Н. Андреев, М. Юрия, А. Хинт. Выборный беллетрист А. Якобсон руководит литературным отделом в газете «Коммунист».

Каждый из нас находится в ежедневном общении с самыми разнообразными слоями населения, видит новые творческие порты освобожденного народа. Все это обогащает нас, писателей, огромным количеством наблюдений, которые уже сейчас хочется использовать для новых книг. Только в первый день своей работы в министерстве просвещения я принял 44 человека — педагогов, музыкантов, художников, которые делились со мной своими нуждами, вопросами, интересами. За короткий период работы у меня собралось так много материала, что сейчас можно было бы начать писать роман, схема которого готова.

Мы уже сейчас приступаем к подготовке нового эстонского искусства в 1941 году в Москве.

Я, как и остальные товарищи, опущаю в себе небывалый подъем и прилив сил и способен без устали работать по 18 часов в сутки.

ПОЭМА О 17 СЕНТЯБРЕ

ЛЬВОВ. (Наш корр.). Поэты города Львова встретят 17 сентября — годовщину советской власти в западных областях Украины — большой коллективной поэмой, в которой расскажут о жизни тружеников бытвы Польши. Поэма будет состоять из двух частей: первая посвящается революционной борьбе рабочих и крестьян во времена Владычества Австро-Венгрии и польской Польши. Вторая — обновленной жизни труда народа под ярким солнцем Сталинской Конституции. В поэме пересказывается о социалистической перестройке хозяйства, новых отношениях между людьми. Размер поэмы около 700 строк.

В работе над поэмой принимают участие поэты: украинские — П. Кармашин, В. Чапельский, Ю. Ширкумэлик, Т. Курпита, М. Мельник, А. Волошин и В. Шаян; польские — А. Валек, З. Шемлинская, П. Кожух, Л. Шенвалд, Ю. Лец, М. Яструти, Ю. Путрамент, Ю. Наахт и В. Слободчик; еврейские — Г. Вебер, Н. Боме и С. Ашлендорф.

Поэма будет издана одновременно на украинском и польском языках.

История греческой литературы

Ученый совет Института мировой литературы им. А. М. Горького одобрил к печати подготовленный отделом античной литературы первый том «Истории греческой литературы».

Том включает историю греческой поэзии, начиная с самого древнего периода и кончая Аристотелем. Кроме вводных глав, том делится на разделы: эпос, лирика и драма.

Особое внимание составители тома уделяют судьбе античного литературного наследства и его влиянию на мировую литературу и литературу СССР.

Раздел эпоса в основном написан членом-корреспондентом Академии наук С. Шестаковым, раздел лирики — членом-корреспондентом Академии наук Н. Новодальским. Автор главы о театре и о трагических поэтах Софокле и Еврипиде — проф. Б. Варнек, об Эсхиле — проф. С. Радик; и главы о комедии — член-корреспондент Академии наук И. Толстой.

Пример, специальная глава, написанная академиком М. Покровским и проф. С. Радиком, посвящена судьбе гомеровского наследства и его влиянию на мировую литературу и литературу СССР.

Раздел лирики в основном написан членом-корреспондентом Академии наук С. Шестаковым, раздел лирики — членом-корреспондентом Академии наук Н. Новодальским. Автор главы о театре и о трагических поэтах Софокле и Еврипиде — проф. Б. Варнек, об Эсхиле — проф. С. Радик; и главы о комедии — член-корреспондент Академии наук И. Толстой.

Из старых постановок театр перенесет на новую сцену три спектакля — «Укрощение строптивой», «Падь Серебрянки» и «Дело». Первая новая постановка театра «Учитель» С. Герасимова — будет показана 7 ноября (постановщик А. Попов, режиссеры И. Воронцов и В. Пильцов, художники И. Федотов). В 1941 г. театр покажет пьесы: ленинградского драматурга И. Луковского «Емельян Пугачев» (постановщик А. Попов, режиссеры В. Благодаров и А. Урбанович, художники Н. Шифрин); «Оборона Севастополя» С. Сергеева-Ценского; «Границы больше нет» Л. Славина и Б. Волтхова; «Военкор» Б. Лапина и З. Хандрина. Для театра заканчиваются пьесы драматурга Н. Вирта (на историко-революционную тему), Б. Романов (комедия) и В. Гусев (пьеса в стихах о советской молодежи).

На одной из коробок читаем: «Перевод рассказа Гюго об убийстве городового. Апрель, 1905».

В своих воспоминаниях о Толстом А. Б. Гольдберг рассказывает, что Лев Николаевич восхищался маленьkim рассказом Гюго — о городовом и толпе, хотевшей его убить. Толстой с помощью фонографа перевел рассказ о французском языке на русский и назвал его «Сила детства».

Полустраинская от времени надпись на другой коробке: «Рассказ для внуков «Волк».

Этот маленький сказочник, записанный фонографом, Лев Николаевич развел своих внуков. Переписанный с валика «Волк» был впоследствии напечатан в детском журнале «Мята».

Среди записей — «Рассказ о человеке без ног» (для мальчиков) 22/II—1905».

Этот рассказ, импровизированный Толстым прямо в фонограф, по словам И. Н. Гусева, никогда не была переписана на бумагу и содержание его забылось. Но валик чудесен и рассказать еще может быть воспроизведен.

Одни из валиков с живой речью Льва Николаевича называются «Отрывок об утверждении рассказа Лескова «Под праздник обиды» (для мальчиков) 26 февраля 1905 года». История этого валика такова: Лев Толстой обещал летом японопольским крестьянам, его ученикам, показать говорящую машину. Для них он изложил в фонограф рассказ Лескова, сделав доступным

для понимания детей, и назвал его «Воронья».

Столетные десять валиков находятся как будто в благополучном состоянии, хотя более точные сведения об этом могли бы дать специалисты звукозаписи.

Каково содержание остальных валиков? По большинству это письма или ответы на письма.

На одной из коробок читаем: «Перевод рассказа Гюго об убийстве городового. Апрель, 1905».

Вот еще на другое письмо (в Киев) касалась нового романа Апендишера «Сани». В своем ответе Толстой громит и Апендишера и героя его романа — Санина.

Одни валики хранят голос посетителя Толстого. Человек этот нес такую оконечность, что писатель решил записать его неизвестную «речь».

Придется с лишним лет прошло с тех пор, как Л. Толстой сам воспроизвел звукозаписывающим аппаратом свое чтение, разговор, диалоги писем. У воскового валика, частично уже поврежденного, опаснейший враг — время. Проходит годы. Из восковых валиков улучшаются звуковые бороздки, становятся невозможным нормально воспроизведение валиков на фонографе.

За последние годы в технике звукозаписи произошли крупные сдвиги. Между тем за все это время не было сделано ни одной серьезной попытки сохранить голос Толстого.

Больше медлить нельзя. Переизделись с хрупкими восковыми валиков на пленочные пластины, пленки, на металле должна быть сделана в ближайшее время, чтобы в дни приближающегося 30-летия со дня смерти классика вся страна услышала голос любого писателя.

М. ПОЛЯНОВСКИЙ.

Достойно увековечить память А. Н. Радищева

Недавно исполнилось 150 лет со дня печатания книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Имя Радищева — революционного просветителя, страшного врага рабства, предшественника драматургов — дорого и близко советскому народу.

Радищев — не только автор «Путешествия», но и замечательный публицист, глубокий мыслитель, пионер философской мысли в России, разносторонний ученик: экономист и агроном, физик и химик, медик и краевед. Полбоя Ломоносова, Радищев — мыслитель мирового масштаба.

За последние годы обнаружены неопубликованные ценные произведения Радищева, а также ряд документов о нем. Многообразны и любопытны знаки уважения и любви тружеников к замечательному сыну русского народа. В 1937 году группа комсомольцев совершила мотопробег по маршруту «Путешествия». Тот же путь вскоре повторил энтузиаст изучения Радищева мастер-коммунист Кировского завода тов. Скоков.

В 1940 году ленинградские пионеры с помощью газеты «Ленинские искры» организовали путешествие по маршруту Радищева. Напечатанные в газете впечатления — записки школьников — рисуют разительные перемены в жизни нашей страны: путь от города-колхоза Октябрьской революции до столицы первого в мире социалистического государства.

В газете «Магнитогорский рабочий» экскурсия, рассказывая о посещении Петровской крепости, вспоминает с глубоким чувством об одном из первых учеников этой крепости — Радищева. Учителями, Шацким, рассказывают о «Комсомольской правде», как она помогает школьникам изучать труд Радищева и как учит их чинить его жизненный подвиг. Научный работник из Свердловска посвящает свою кандидатскую диссертацию Радищеву, а в городе Ленина библиограф И. Д. Смолин заканчивает долголетний труд — библиографию Радищева за 165 лет.

Но у нас далеко не все сделано для достойного увековечения памяти Радищева и для подлинно научного изучения его наследия.

Исследовательская работа по Радищеву велиется без плана, без обединяющего центра.

Академическое издание сочинений Радищева остановилось в 1938 году на первом томе. Задерживается и выпуск обширного сборника, посвященного Радищеву. Ряд ценных научных материалов и даже новые тексты Радищева остаются неопубликованными.

Сооруженные по мысли Ленина в 1915 году в Москве и Ленинграде первые революционные памятники, краеведческие и исторические, какими являются «Большой памятник Петровской крепости», как она помогает школьникам изучать труд Радищева и как учит их чинить его жизненный подвиг. Научный работник из Свердловска посвящает свою кандидатскую диссертацию Радищеву.

Сооруженные по мысли Ленина в 1915 году в Москве и Ленинграде первые революционные памятники Радищева, а также памятники, вспоминающие его наследие.

Все это сделано для достойного увековечения памятника Радищева.

Все это сделано для достойного увековечения памятника Радищева.

Созданы памятники Радищеву в Гослитиздате первого в мире научно-исследовательского журнала «Историк-марксист» № 8.

В только что вышедшем восьмом номере журнала «Историк-марксист» особая интересная статья С. Бушуева «Русская история в освещении революционных демократов».

Историческая наука великими революционными демократами В. Б. Белинским, Н. Чернышевским и И. Добролюбовым рассматривалась как оружие борьбы за дело народа, против крепостничества и самодержавия.

Автор статьи цитирует дневники, записки, письма великих демократов-революционеров, критически рассматривая их историческую ценность. Радищеву разрушены, а записки школьников, вспоминая его жизненный подвиг, как оружие борьбы за дело народа, против крепостничества и самодержавия.

Сооруженные по мысли Ленина в 1915 году в Москве и Ленинграде первые революционные памятники Радищева, а также памятники, вспоминая его наследие.

Созданы памятники Радищеву в Гослитиздате первого в мире научно-исследовательского журнала «Историк-марксист» № 8.

Созданы памятники Радищеву в Гослитиздате первого в мире научно-исследовательского журнала «Историк-марксист» № 8.

Созданы памятники Радищеву в Гослитиздате первого в мире научно-исследовательского журнала «Историк-марксист» № 8.

Созданы памятники Радищеву в Гослитиздате первого в мире научно-исследовательского журнала «Историк-марксист» № 8.

</